

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 9.

15 Мая.

Дітеймір

1908

№ 9 15 Мая.

Содержаніє: Стихотвореніє: Божья Корова. *Н. Н. Новица.* — Въ глубь вѣковъ. *П. Джуніковскаго.* (Продолженіе). — Хаврюша: разсказъ. *Б. Чирикова.* — Нѣтъ худа безъ добра. *Эженъ Шуаттевана.* — Наши ошибки. *И. Воскобойникова.* — Ну-ка разгадайте: Ребусъ. — Шарада. — Головоломка.

Божья коровка.

Изъ Зупанчича

(Со словянскаго).

Красная Божья коровка
Въ руки попалась ребенку.
„Гдѣ ты живешь, покажи мнѣ?
Ну-ка, лети въ ту сторонку!“

Съ маленькой ручки ребенка
Внизъ, гдѣ трава зеленѣла,
Божья коровка спустилась;
Тамъ на цвѣтокъ она сѣла.

„Вотъ онъ, мой домикъ!“ Но было
Этого мало ребенку:
„Мой теперь домъ покажи мнѣ!
Ну-ка, лети въ ту сторонку!“

Божья коровка взлетѣла
Къ небу—высоко, высоко...
Долго за нею слѣдило
Ясное дѣтское око.

Н. Н. Новичъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственные приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

— Ну, какъ бы то ни было, заявилъ Ганцъ, а дальше намъ идти незачѣмъ,—потому что здѣсь рѣка какъ видно еще менѣе проходима...

Вслѣдствіе этого соображенія всѣ повернули назадъ, на-мѣриваясь изслѣдовать берегъ въ другомъ направленіи. Но судьба, казалось преслѣдовала нашихъ героевъ, потому что не прошло и пяти минутъ, какъ на пути имъ встрѣтилась огромная змѣя, столь внушительнаго вида, что всѣ единогласно рѣшили за лучшее вернуться на прежнее мѣсто, гдѣ Іоганъ снова нашелъ свою черепаху, все еще лежавшую на пескѣ. Здѣсь, на широкой полянкѣ всѣ опустились на песокъ и предались грустнымъ размышленіямъ.

Полураздѣтые, голодные, усталые, окруженные тысячами непривычныхъ опасностей, среди чуждой, непонятной имъ природы, они вдругъ съ необыкновенной ясностью почувствовали всю полноту своей беспомощности и всю безвыходность своего положенія.

— Не знаю господа, каково ваше мнѣніе, но на мой взглядъ положеніе Робинзона на его необитаемомъ островѣ было гораздо лучше нашего, мрачно произнесъ Іоганъ, прерывая тягостное молчаніе.

— Ну ужъ, это вы преувеличиваете, возразилъ Ганцъ, желавшій ободрить товарищей по несчастью. Во-первыхъ Робинзонъ былъ отдѣленъ отъ своего спасенія цѣлымъ оке-

аномъ, тогда какъ намъ нужно пройти до нашихъ пещеръ всего какихъ нибудь три четыре мили; во-вторыхъ онъ былъ совершенно (одинокъ, а насъ четверо; наконецъ Робинзонъ былъ постоянно осаждаемъ кровожадными людоедами...

Едва только успѣлъ Ганцъ упомянуть о людоедахъ, какъ Юганъ снова заволновался.

— Ахъ господа, вѣдь о людоедахъ то мы и забыли! воскликнулъ онъ, прерывая рѣчь Ганца, подумайте,—ужь если въ наши времена дикари пожираютъ себѣ подобныхъ, такъ въ эти времена, я думаю они и въ ротъ ничего не берутъ, кромѣ человѣчины!

— Любезнѣйшій Юганъ, строго замѣтилъ Курцъ, долженъ вамъ сказать, что вы плетете небылицы, обнаруживая полное свое невѣжество въ этомъ вопросѣ. Можете быть увѣрены, что здѣсь вы такъ же неприкосновенны, какъ и въ Германіи.

— О г. профессоръ, я боюсь, что, благодаря своему тѣлосложенію, вы слишкомъ легко относитесь къ этому вопросу, но вѣдь есть люди...

— И повкуснѣе лялюшки, хотите вы сказать, вмѣшался повеселѣвшій уже Ганцъ, но хотя вы и очень лакомый кусочекъ, однако я отвѣчаю вамъ за цѣлость вашего организма: во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ больше довѣрять наукѣ.

— Ахъ г. профессоръ, ради Бога, скажите серьезно, какого мнѣнія о теперешнихъ людяхъ держитесь вы сами, заискивающе обратился Юганъ къ Курцу, такъ какъ въ глубинѣ души очень вѣрилъ въ его познанія.

— Даю вамъ слово, мой милый, что всѣ ваши страхи напрасны. Я глубоко убѣжденъ, что человекъ настоящаго времени не можетъ быть канибаломъ. Во-первыхъ, онъ вѣро-
ятно только что вышелъ изъ животнаго состоянія, въ которомъ, какъ вамъ извѣстно, питался растительной пищей, а

потому, пока онъ продолжаетъ можетъ быть оставаться, такъ сказать, естественнымъ вегетарианцемъ; во-вторыхъ, если онъ даже и переходитъ уже къ охотничьему быту, то согласитесь,

что человекъ для человѣка все же долженъ быть самой опасной дичью, такъ какъ и дичь и охотникъ очевидно одинаково сильны.

— Конечно, дядя совершенно правъ, я думаю, что человѣку, прежде чѣмъ изъ вегетаріанца превратиться въ людоеда, необходимо было попривыкнуть сначала къ мясу звѣрей и озлобиться охотой.

— Ну, дай Богъ, чтобы это было такъ, произнесъ нѣсколько успокоенный Юганъ и не успѣлъ онъ окончить своей фразы, какъ на противоположномъ концѣ поляны, на которой расположились наши друзья, вдругъ появился тотъ самый человѣкъ, о которомъ у нихъ только что шла рѣчь.

Раздвинувъ густую чащу кустарника, онъ вышелъ на поляну и остановился шагахъ въ двадцати отъ нашихъ путешественниковъ. Опершись локтемъ на свою длинную дубинку, онъ устремилъ на европейцевъ немного любопытный, немного удивленный взглядъ своихъ спокойныхъ и добрыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась уже искра разума и мысли.

Да, это былъ, хотя и первобытный, но все же—несомнѣнно—человѣкъ.

Средняго роста, съ темной кожей, онъ, по своему внѣшнему виду, да и по сложенію мало чѣмъ отличался отъ современнаго дикаря, хотя руки его казалось были чуть-чуть длиннѣе, голова немного меньше, а лобъ ниже; но вмѣстѣ съ тѣмъ вся гибкая фигура его дышала здоровьемъ бодростью и силой, а движенія были полны спокойствія и увѣренности въ себѣ, несмотря на то, что по виду это былъ не болѣе, какъ юноша.

Глядя на него, наши друзья невольно почувствовали волненіе.

Передъ ними стояло то таинственное существо, тотъ первобытный герой человѣчества, который нѣкогда, въ непрерывной тяжелой борьбѣ завоевалъ себѣ громкій титулъ „царя природы“.

Какая жалкая насмѣшка! Этотъ ничтожный дикарь полу-

человѣкъ и полу-звѣрь... царь природы!.. И однако, стоя передъ нимъ, наши европейцы какъ то невольно чувствовали, что здѣсь, въ его времена—не они, изнѣженные и просвѣщенные представители культурной жизни, а именно онъ, этотъ дикарь есть истинный побѣдитель и господинъ окружавшей ихъ, дѣвственной природы...

Поглядѣвъ съ минуту на нашихъ друзей, человѣкъ тою же смѣлой и спокойной походкой подошелъ къ нимъ и, привѣтливо улынувшись, заговорилъ сильнымъ, немного гортаннымъ голосомъ на какомъ то странномъ, невѣдомомъ нарѣчьи.

— Вы люди? спросилъ онъ у нихъ и эта короткая фраза была новымъ доказательствомъ того, что съ ними дѣйствительно произошла необыкновенная перемѣна, такъ какъ оказалось что они свободно понимали этотъ языкъ, хотя и слышали его въ первый разъ. Какъ не поразительно было это обстоятельство, однако профессоръ Курцъ не растерялся и поспѣшилъ сейчасъ же вступить въ разговоръ со своимъ новымъ знакомымъ.

— Да, да мы люди, отвѣчалъ онъ и остановился, такъ какъ языкъ того времени оказался слишкомъ бѣденъ, для той краснорѣчивой и трогательной рѣчи, въ которой ученый мужъ хотѣлъ было описать всѣ постигшія ихъ бѣдствія, а потому, немного смутившись, онъ могъ только повторить.

— Да мы люди!

Молодой человѣкъ вплотную подошелъ къ Курцу. Вытянуль впередъ шею, онъ очевидно изучалъ своего новаго знакомаго при помощи того чувства, которое въ наше время почти уже утрачено современнымъ человѣкомъ. Затѣмъ онъ свободно, не торопясь приподнялъ на груди каждаго изъ европейцевъ его лиственную одежду и внимательно поглядѣлъ на ихъ кожу.

— Да вы люди, сказалъ онъ наконецъ послѣ вниматель-

наго осмотра и, привѣтливо улыбнувшись, снова обратился къ нимъ съ вопросомъ.

— Вы живете далеко?

— Да очень далеко, отвѣтилъ ему Бруно, а ты, въ свою очередь, спросилъ онъ у него, — ты живешь тоже далеко.

— Нѣтъ, мой отецъ, моя мать, мой братъ и другой мой братъ и моя очень маленькая сестра мы живемъ тамъ, недалеко, и, протянувъ руку онъ указалъ по направленію къ С-З, затѣмъ, помолчавъ немного, онъ снова обратился ко всѣмъ.

— Вы ищете плодовъ для ѣды?

— Да, да, отвѣчалъ на всякій случай Ганцъ, мы ищемъ плодовъ, но ихъ здѣсь нѣтъ.

— Да, здѣсь нѣтъ, подтвердилъ юноша, пойдемте со мною къ жилищу моего отца, я покажу вамъ гдѣ есть много, очень много плодовъ... А затѣмъ поймали вы этого звѣря, спросилъ онъ вдругъ, указывая своею дубинкой на черепаху, которой Іоганъ попрежнему пользовался вмѣсто сидѣнія.

Вѣроятно вслѣдствіе того, что вопросъ этотъ былъ предложенъ непосредственно за разговоромъ о пищѣ въ умѣ талантливаго гастронома быстрѣе молніи мелькнула мысль о возможности полакомиться какимъ нибудь изысканнымъ блюдомъ изъ нѣжнаго мяса черепахи, и это казалось ему тѣмъ болѣе желательнымъ, что кромѣ плодовъ новый знакомый видимо не желалъ ничѣмъ угощать нашихъ проголодавшихся уже друзей. Въ головѣ Іогана уже роилось нѣсколько рецептовъ весьма соблазнительнаго состава, а потому онъ выступилъ впередъ и предупредительно отвѣтилъ на предложенный вопросъ.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ, мы поймали этого звѣря для того, чтобы съѣсть его... тутъ Іоганъ принужденъ былъ остановиться, такъ какъ подобно своему господину онъ не находилъ въ этомъ варварскомъ нарѣчій достаточ-

ныхъ словъ для того, чтобы удивить этого дикаря глубиною и силой своихъ кулинарныхъ познаній; но вѣроятно уже и того, что онъ сказалъ оказалось вполне достаточно, для того чтобы произвести на его слушателя неожиданное дѣйствіе, такъ какъ услышавъ отвѣтъ Іогана, молодой туземецъ вдругъ разразился самымъ искреннимъ смѣхомъ, какъ будто бы ему рассказали что-нибудь весьма забавное.

— Съѣсть этого звѣря, говорилъ онъ сквозь смѣхъ, но кто же ѣстъ звѣрей, кромѣ звѣрей. Вы очень голодны, рѣшилъ онъ наконецъ, немного успокоившись, пойдемте скорѣе къ нашему жилищу, я покажу вамъ гдѣ растутъ плоды.

— Но твой отецъ разсердится на насъ за то, что мы будемъ брать его плоды, осторожно замѣтилъ профессоръ.

— О, О! немного удивленно воскликнулъ юноша, но зачѣмъ хотите вы брать плоды у моего отца, — вы сами берите ихъ съ дерева, наставительнымъ тономъ посовѣтывалъ онъ несообразительнымъ европейцамъ.

— Ну, это какой то странный народъ, проворчалъ вполголоса Іоганъ, обращаясь по-нѣмецки къ Бруно, смѣется безъ толку и не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей.

— Да, но за то — они не люди! а вѣдь это чего нибудь да стоитъ, не правда ли?

— Вотъ это дѣйствительно вѣрно, этого достоинства у нихъ отнять нельзя, согласился Іоганъ, для котораго успокоение съ этой стороны было особенно дорого.

Между тѣмъ профессоръ кое какъ объяснилъ туземцу, что вещи ихъ остались на томъ берегу рѣки и что имъ очень хотѣлось бы возвратиться за ними на ту сторону.

— Вы были на томъ берегу, вы перешли здѣсь рѣку! воскликнулъ юноша, ну, я такъ и зналъ, что вы люди другого, не нашего берега... Но вы не дѣлайте этого еще разъ:

переходить эту рѣку нельзя.—Здѣсь живутъ маленькія чудовища. Они убиваютъ и звѣря и человѣка...

— Да, да, подхватилъ Ганцъ, теперь мы видѣли ихъ и знаемъ это; но намъ нужно, очень нужно возвратиться туда.

— Да, да, съ задумчивымъ видомъ согласился юноша, тамъ ваши жилища, ваши семьи... Но я не знаю, какъ это сдѣлать... Онъ въ недоумѣніи развелъ руками и затѣмъ снова предложилъ всѣмъ немедленно же отправиться къ его отцу, который можетъ быть поможетъ имъ своимъ совѣтомъ.

Во всей манерѣ и во всѣхъ рѣчахъ этого неожиданнаго друга нашихъ героевъ было столько искренности, доброжелательства и простоты, что они не колеблясь приняли его предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ то молчаливо уступили ему руководство дальнѣйшими ихъ дѣйствіями.

Бруно и Ганцъ были чистосердечно расположены къ нему; Иоганъ былъ преисполненъ благодарности, чувствуя неприкосновенность своей особы; но дядя Карлъ просто завладѣлъ молодымъ человѣкомъ, казавшимся ему чѣмъ то вродѣ осколка доисторической посуды, по которому онъ, профессоръ археологіи, имѣлъ случай съ такою полностью изучать сокрытыя тайны минувшей жизни. И дядя Карлъ съ беззаветнымъ увлеченіемъ предался этому изученію. Когда все общество двинулось наконецъ въ путь, то Курцъ вмѣстѣ съ этимъ страннымъ человѣческимъ существомъ шелъ впереди, ревниво не допуская къ нему никого изъ своихъ спутниковъ, Онъ столь сильно увлекся своими изслѣдованіями, что казалось совершенно позабылъ весь ужасъ того положенія, въ которое ставила нашихъ друзей невозможность перебраться обратно черезъ рѣку. Случай давалъ ему возможность заглянуть въ таинственную глубину, ушедшихъ въ прошлое тысячелѣтіе, и онъ съ такимъ рвеніемъ отдался этой возможности, что

Іогану пришлось окликнуть его по крайней мѣрѣ три раза, прежде чѣмъ онъ обратилъ наконецъ на него свое вниманіе.

— Г. профессоръ, а г. профессоръ взывалъ къ своему патрону Іоганъ, шедшій немного позади остальныхъ.

— Чего ты желаешь, человѣкъ! отвѣтилъ профессоръ на туземномъ нарѣчій, съ которымъ повидимому успѣлъ уже совершенно освоиться и даже пріобрѣсти совершенно правильный оборотъ рѣчи.

— Узнайте ка вы отъ вашего ископаемаго друга, съ раздраженіемъ сказалъ значительно притомившійся уже Іоганъ, сколько же часовъ ходьбы до чертоговъ его папаша!

Хаврюша.

Вотъ уже прошелъ цѣлый годъ, а я все еще не могу забыть Хаврюшу. Всякій разъ, когда я вижу поросенка живого или жаренаго, я вздрагиваю и снова мнѣ дѣлается такъ скучно и грустно, что хочется заплакать... Впрочемъ, я вамъ расскажу все, какъ это было, подробно и съ самаго начала...

Насъ было трое: я, братъ Володя и сестра Варенька. Я былъ старшій и мнѣ было лѣтъ семь, Володѣ — пять, а Варенька еще ползала и говорила только „гу-гу“ и „ля-ля“, но понимала много. Жили мы въ городѣ, который не помню, какъ назывался, съ папой, мамой и бабушкой. Папа у насъ невеселый, утромъ уходитъ куда-то служить, а послѣ обѣда

спитъ и храпитъ, а мама все хвораетъ. И тогда было такъ же. Мамѣ очень надоѣдала Варенька, все капризничала, просилась на руки, а ночью мѣшала мамѣ спать. И мы съ Володей больше играли съ бабушкой. Иногда она насъ наказывала, когда очень ужъ шалимъ, но потомъ ей становилось насъ жалко и она дасть намъ по конфеткѣ. Мы очень любили ходить съ бабушкой на базаръ, но она брала кого-нибудь одного и изъ-за этого мы ссорились съ бабушкой и съ Володей. Вотъ одинъ разъ была моя очередь идти съ бабушкой на базаръ, а я разбилъ блюдечко и за это бабушка оставила меня дома, а Володю взяла съ собой. Я, конечно, заплакалъ и сталъ бранить Володьку:

— Жилда! жилда! — закричалъ я ему, когда онъ собирался на базаръ. А бабушкѣ я сказалъ, что она упадетъ на базарѣ:

— Тебя накажетъ Богъ за то, что ты вмѣсто меня берешь Володьку!

— Поговори еще! — сказала бабушка — я поставлю тебя въ уголъ носомъ!

Такъ мы поссорились и бабушка съ Володей ушли. Скучно было мнѣ сидѣть дома и очень досадно на Володю. Ужъ больно любилъ я ходить на базаръ! Тамъ очень интересно и весело. Очень много народу, шумъ такой, что ничего не разберешь! Лошади, телѣги, мужики и бабы, на телѣгахъ телята, поросята, курицы, а то есть убитыя коровы и свиньи. Продають всякую всячину, вѣшаютъ на вѣсахъ, бранятся, а голуби бѣгаютъ около того мѣста, гдѣ продають овесъ, крупу, сѣмечки, и совсѣмъ не боятся людей. И игрушки есть! Только плохія... Пряники есть!

Мама шила на машинѣ, а я залѣзъ на подоконникъ и озорничалъ потому, что было скучно. Муслилъ палецъ и рисовалъ на стеклѣ домики съ трубой и съ дымомъ; потомъ

пошелъ въ дѣтскую, залѣзъ въ игрушки и сломалъ у Володи желѣзную дорожку. Это я сдѣлалъ отъ злости... Нехорошо я сдѣлалъ, да ужъ ничего не подѣлаешь; пробовалъ починить, да только еще больше испортилъ. Долго бабушка съ Володиными людьми не приходили съ базара, но наконецъ въ кухню зазвонили

нили и я обрадовался. Было очень интересно, что бабушка купила на базарѣ. Вдругъ Володя выбѣжалъ изъ кухни и замахалъ руками:

- Купили поросенка!
- Мертвого?
- Живого!

Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ, закричалъ „ура“ и побѣжалъ въ кухню. Я давно просилъ бабушку купить живого поросенка и, наконецъ, это исполнилось... Понятно, что я очень обрадовался и, когда бѣжалъ, не замѣтилъ Вареньку и наступилъ ей на ручку. Она закричала и сильно заплакала, но когда вышла мама, я былъ уже въ кухнѣ...

— Гдѣ? гдѣ? бабушка! гдѣ?..

— Въ корзинкѣ!

— Здѣсь! — сказалъ Володя и отвернулъ краешекъ крышки.

Я заглянулъ и дѣйствительно увидѣлъ поросеночка. Онъ былъ такой чистенькій, съ розовенькимъ холоднымъ носикомъ съ двумя дырочками и съ маленькими глазками. Высовываетъ мордочку и все нюхаетъ и пищитъ. Володя принесъ кусокъ сахару: онъ, глупый, думалъ, что поросенокъ обрадуется и съѣстъ, а поросенку было наплевать на сахаръ, а хотѣлось вылѣзти изъ корзинки. Пришла мама въ Варенькой на рукахъ. Варенька все еще плакала, но когда ей показали поросенка, она улыбнулась и сказала:

— Ля-ля!..

И забыла, что надо плакать.

И Пегасъ, — такъ звали нашу большую собаку, — тоже пришелъ на кухню. И ему было интересно, что такое въ корзинѣ. Пегасъ всталъ передними лапами на лавку, махалъ хвостомъ и нюхалъ корзинку. А когда ему показали поросенка, онъ началъ громко лаять. Пришла кухарка, посмотрѣла на поросенка.

— Кто будетъ рѣзать-то? Я не умѣю...

— Зачѣмъ рѣзать?

— Не надо рѣзать!.. Мама! Бабушка!

И мы съ Володей стали умолять маму и бабушку не убивать поросенка.

— Такого миленькаго! чистенькаго!

Володя заплакалъ, схватилъ маму за платье, а я за руку,—и мы умоляли маму подождать рѣзать поросенка хотя нѣскольхо дней. Бабушка упиралась, но когда я ей сказала, что ее за это накажетъ Богъ, она тоже согласилась подождать.

— А куда дѣтъ-то?—сердито спросила кухарка.

Пусть живетъ въ кухнѣ!..—сказалъ я.

— Больно мнѣ нужно. Грязи-то!

— Ну въ дѣтской!—предложилъ Володя.

— Въ дѣтской я не позволю—отвѣтила мама.

Вотъ тебѣ и разъ! Нигдѣ не позволяютъ!.. Надо же было гдѣ-нибудь жить?! Я сильно испугался, что если негдѣ поросенку жить, то его заколютъ сейчасъ же и, слава Богу, придумалъ:

— На подволокѣ! Ура! На подволокѣ!..

Съ этимъ всѣ согласились. Изъ кухни была дверь на подволоку, и тамъ мы съ Володей устроили квартиру для поросенка: поставили ящикъ, положили въ него сѣна, принесли большую плошку — кормить нашего поросеночка, и еще устроили ему дворъ: посыпали землю на подволокѣ пескомъ и сдѣлали загородку.

Тамъ онъ и поселился.

Началась у насъ съ Володей интересная жизнь. Какъ только кто-нибудь изъ насъ просыпался утромъ, онъ прежде всего вспоминалъ про поросенка: „что-то тамъ на подволокѣ подѣлываетъ нашъ миленькій Хаврюша?“

Мы называли поросенка разными именами: „Чушкой“, „Свинтусомъ“, „Хаврюшей“... Чаще всего—„Хаврюшей“.

— Володька! Спишь?

— Мм!..

Я будилъ брата:

— Пойдемъ къ Хаврюшѣ! Онъ, вѣрно, скучаетъ и ждетъ...

— Онъ спитъ еще! —

— Самъ спишь, такъ думаешь, и онъ тоже? Поросята встаютъ рано!

— А ты почему знаешь?

— Пойдемъ! Увидишь! — говорилъ я такимъ тономъ, точно мнѣ были открыты все тайны поросятчей жизни. Наскоро одѣвшись самъ и одѣвши младшаго брата, я потихоньку лѣзъ въ буфетъ отыскивать чего-нибудь съѣдобнаго для Хаврюши. Пегасъ спалъ въ столовой. Увидя меня, онъ вставалъ, потягивался, разставляя широко переднія и заднія пары лапъ и помахивалъ хвостомъ. Пегасъ уже зналъ, что мы идемъ къ Харюшѣ и шелъ за нами на подволоку. Какъ только Хаврюша услышитъ, что мы несемъ ему молока и хлѣба, онъ начиналъ визгливо похрюкивать...

— Сейчасъ, сейчасъ... Миленькій! Проголодался?

— Не спитъ.

— Вотъ видишь! Чья правда? Я ужъ знаю...

Сперва Пегасъ неособенно любилъ Хаврюшу и всегда хотѣлъ куснуть его за хвостъ или ухо. Но скоро онъ привыкъ къ Хаврюшѣ и только озорничать съ нимъ: подсунетъ свою морду ему подъ брюхо и подкинетъ кверху. Хаврюша взвизгнетъ и начнетъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, точно танцуетъ и похрюкиваетъ; хочетъ убѣжать, а мѣста мало: вездѣ загорожено. Мы его успокоимъ: погладимъ, дадимъ молочка, поласкаемъ.

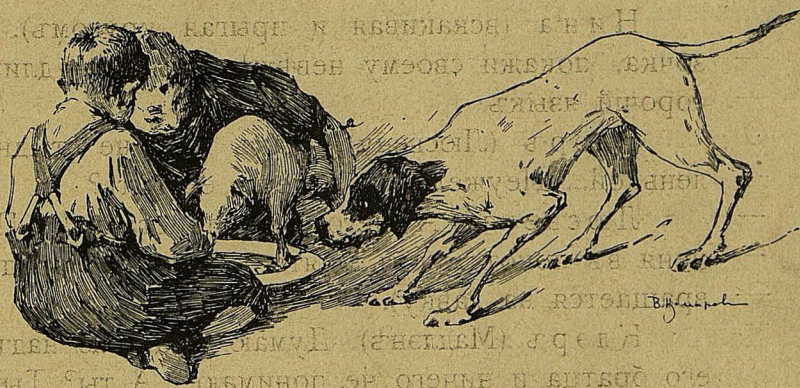
— Ты чеши ему спинку, а я за ухомъ!

Володя чесалъ ему спинку, я — за ухомъ, а Пегасъ облизывалъ ему носъ, потому что онъ пилъ молоко и замочилъ себѣ всю мордочку...

И скоро Хаврюша привыкъ къ намъ, а Пегаса пере-

стать бояться. Пегасъ понялъ, что не хорошо обижать маленькаго Хаврюшу и только шутилъ съ нимъ и показывалъ видъ, что хочетъ укусить, а самъ не кусался. Очень интересовался Пегасъ Хаврюшинымъ хвостикомъ! Хвостикъ былъ у него закорючкой и очень смѣшно шевелился. Вотъ Пегасъ возьметъ въ ротъ Хаврюшимъ хвостикъ и тянетъ его... или возьметъ за ушко и не пускаетъ. А Хаврюша сердится: прыгаетъ и все хочетъ толкнуть Пегаса мордочкой, подпрыгивая на мѣстѣ. Устроили мы Хаврюшѣ садъ: наломали въ саду большихъ вѣтокъ и натыкали около ящика. Но Хаврюша не захотѣлъ сада: пришли на другой день и видимъ, что всѣ деревья валяются: это онъ ихъ вытащилъ и бросилъ.

— Онъ не любитъ сада... ему надо грязную лужу...

— А ты почему знаешь?

— Вотъ глупый! А большія свиньи? Онъ всегда лежитъ въ лужахъ... Надо устроить ему лужу...

— А какъ?

— Вотъ тутъ, гдѣ земля... Принесемъ ведро воды, выроемъ яму и нальемъ...

— И посадимъ въ нее Хаврюшу!

— Давай! Гдѣ у насъ лопатки?... Неси!

Володя принесъ наши маленькія лопатки и мы начали устраивать Хаврюшѣ большую яму. Пегасъ понялъ, въ чемъ дѣло: понюхалъ землю и тоже началъ передними лапами рыть и выбрасывать землю...

— Дуракъ! въ глаза мнѣ попалъ землей!.. — закричалъ Володя и ударилъ Пегаса.

— Ты самъ виноватъ... Зачѣмъ всталъ тутъ? Помогай, Пегасъ!

Я погладилъ Пегаса и онъ опять началъ работать. Я пошелъ за водой. Очень трудно было принести цѣлое ведро и пришлось ходить три раза. Вылили первую порцію воды и стали мѣшать... Потомъ вторую, потомъ третью... Вышла отличная яма съ грязью, какъ на улицѣ послѣ дождя...

— Иди, Хаврюша! Купайся! Чего боишься! дурачекъ!..

— Онъ не любитъ на рукахъ... Опускай скорѣй!

Опустили Хаврюшу въ грязь.

— Не хочетъ!..

— Сиди! Не бойся!..

— Онъ не хочетъ!

— А вотъ и хочетъ! Видишь,—сѣлъ?..

Хаврюша сѣлъ, потомъ прилегъ. Володя набиралъ въ пригоршню жидкой грязи и подкладывалъ Хаврюшѣ подъ бока, а я прихлопывалъ ладонью, чтобы было ровнѣе и красивѣе... А Пегасъ искалъ у Хаврюшѣ блохъ: елозилъ своей мордой по его спинѣ и пощелкивалъ зубами.

— Хорошо, Хаврюша? — спрашивалъ я поросенка, а онъ похрюкивалъ и моргалъ глазами. И было видно, что Хаврюшѣ очень хорошо и пріятно.

Но кончилось это большимъ огорченіемъ. На подволоку вдругъ прибѣжала кухарка и закричала:

— Что вы тутъ надѣлали?

— Ничего... Видишь, — Хаврюшу купаемъ? — сказалъ Володя.

— Ахъ вы, такіе-сякіе! Что вы натворили?!

Кухарка пихнула ногой Пегаса, отшвырнула насъ отъ Хаврюши, а Хаврюшу взяла за шиворотъ и выкинула изъ ямы. Потомъ она взяла лопату и стала ломать у насъ грязную лужу, засыпая ее пескомъ.

— Какъ ты смѣешь? Мы, вотъ, мамѣ скажемъ...

— Погодите-ка: мать вамъ надеретъ уши-то! Насквозь промокло! Весь потолокъ въ залѣ испортили... Оказалось, что мы очень глубоко вырыли яму и очень много налили воды. Вода протекла внизъ и промочила потолокъ въ залѣ...

— Убирайтесь отсюда!

— Погоди? Дай поймать Хаврюшу!

— Вотъ вамъ Хаврюша!..

Кухарка схватила грязнаго Хаврюшу за заднія ноги и бросила его съ лѣстницы въ кухню.

— Заколоть его надо!..

Мы съ Пегасомъ побѣжали слѣдомъ за Хаврюшей въ кухню. Что-то теперь будетъ? Мы боялись, что войдетъ мама, начнетъ браниться и велитъ заколоть нашего милаго Хаврюшу... Надо было устроить такъ, чтобы только мы съ Пегасомъ были виноваты, и чтобы Хаврюша остался невиннымъ. Но какъ это устроить? Навѣрно, злая кухарка уже все рассказала и мамѣ и бабушкѣ... Я посмотрѣлъ на Хаврюшу, который забился въ уголокъ, и мнѣ сдѣлалось такъ жалко его, что я забылъ все на свѣтѣ и, присѣвъ на корточки, началъ ласкать его, бѣднаго:

— Бѣдненькій ты мой! Я не дамъ тебя зарѣзать! Никому не дамъ!

Я забылъ, что Хаврюша купался въ грязи, прижималъ его къ себѣ и весь испачкался... А курточка была у меня

новая!.. Вотъ еще бѣда!.. Еще хуже теперь стало, потому что бабушка и въ этомъ обвинить его же, Хаврюшу... Сошла съ подволоки кухарка.

— Милая Степанидушка! Ничего не говори мамѣ съ бабушкой!

— А что же я имъ скажу? Меня послали посмотреть, отчего протекло...

— Скажи... скажи, что ты сама пролила воду!

— Больно нужно... Меня ругать будутъ изъ-за вашего поросенка...

— Ну скажи, что это дождикъ... Насквозь, скажи, прошелъ! — научалъ Володя.

— Видишь, какой ты хитрый! А хорошо обманывать мать-то? Подумай-ка!

Евгеній Чириковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣтъ худа безъ добра.

Пьеса въ 1-мъ дѣйствіи.

Дѣйствіе происходитъ въ городѣ, на дворѣ или въ саду. На лавочкѣ брошена кукла, веревочка для прыгання и работа съ воткнутой въ ней иглой.

ЛИЦА:

Клэръ (11 лѣтъ). Одѣта скромно и чисто. Изъ достаточной рабочей семьи. Развита, разсудительна.

Нинетта (9 лѣтъ). Дочь служащаго. Одѣта болѣе изысканно. Подвижна, осторожна.

Мадлена (10 лѣтъ). Дочь бѣднаго рабочаго. Замѣтно, что опрятность бѣднаго костюма поддерживается собственными стараніями. Тиха, серьезна.

Люсьенъ (12 лѣтъ). Братъ Мадлены. Одѣтъ небрежно и грязно. Держитъ себя съ мальчишеской самоувѣренностью.

При подъемѣ занавѣса дѣвочки водятъ хороводъ и поютъ. Люсьенъ въ сторонѣ лѣниво играетъ самъ съ собой въ городки, поглядывая на дѣвочекъ и повременамъ нащупывая рукой сзади большую рваную прорѣху въ штанахъ, которую видимо старается скрыть.

Клэръ (запѣваетъ)

Мы молоды, мы веселы

Будемъ пѣть и играть

Вѣдь, какъ старость придетъ

Будемъ охатъ да брюзжать...

Вмѣстѣ (припѣвъ)

Ахъ! Нечего ждать, ждать, ждать...

Время не ждетъ: будемъ прыгать и плясать...

Поютъ и движутся сначала медленно, затѣмъ повторяютъ живѣе припѣвъ и ускоряютъ движеніе, съ подчеркиваньемъ и притопываніемъ.

Нинетта (прыгая передъ лавочкой, на которую бросаются Клэръ и Мадлена, чтобъ перевести духъ). Ну, во что будемъ теперь играть?

Мадлена. Мнѣ некогда больше играть (беря работу и вынимая иголку). Нужно сѣшить кончить эту починку, а то достанется мнѣ отъ мамы вечеромъ...

Нинетта (прыгая черезъ веревочку). Ну, какъ хотите...

Клэръ. Нѣтъ ли у тебя лишней иголки: я бы тебѣ помогла.

Мадлена. Какая ты славная (обнимая и цѣлуя ее). Мы, вѣдь, настояще друзья, не правда ли...

Люсьенъ (продолжая лѣниво сшибать городки и не глядя на сестру). А я вотъ скажу матери, что ты болталась вмѣсто того, чтобы работать...

Клэръ. А тебѣ завидно стало?... Кто-жъ тебѣ мѣшалъ играть съ нами.

Люсьенъ (презрительно). Сказала тоже... Стану я играть съ дѣвченками...

Нина (бросивъ веревочку и взявъ куклу). Еще бы, мальчишки только и умѣютъ играть въ войну... Разобьютъ другъ другу носы палками и ну ревѣтъ, какъ дѣвченки... Кто вчера ревѣлъ? Ну-ка скажи, скажи...

Люсьенъ (сконфуженно). Застрекотала, стрекоза тонконогая...

Клэръ (спокойно). Такъ ты не играешь съ дѣвченками... А что дѣлаете вы съ сестрой дома, когда нельзя гулять?

Мадлена. Что дѣлаемъ? Ссоримся, а то и деремся...

Люсьенъ (сядась на землю, у лавки, напротивъ Клэръ). Пошла жаловаться!.. Ябеда!..

Клэръ. Ябеда!? А кто сейчасъ собирался ябедничать на сестру? (Люсьенъ сконфуженно молчитъ). Какъ же это вамъ папа съ мамой позволяютъ драться?

Мадлена. Останавливаютъ, конечно... когда сами не дѣлаютъ такъ-же, какъ и мы...

Нина (обращаясь къ куклѣ). Ай, ай, ай! Ты слышишь, Розочка... (цѣлуетъ куклу) дорогая моя Розочка... Когда ты будешь выходить замужъ, смотри въ оба и ни за что не бери себѣ въ мужья мальчиковъ, которые не хотятъ играть съ дѣвочками и бьютъ своихъ сестеръ.

Клэръ. Правду говоритъ Нина, потому что изъ такихъ-то и выходятъ тѣ, кто бьетъ своихъ женъ (Мадленѣ). А за что же твой папа бьетъ маму?

Нина. Развѣ она не умница?

Мадлена. Мама-то всегда умница, но когда папа приходитъ съ работы, а у насъ не все готово, онъ начинаетъ

такъ кричать, что домъ трясется... А мама, когда носить бѣлье въ городъ или ходить за покупками, иногда задерживается... Правда, я стараюсь изо всѣхъ силъ помочь ей и все-таки папа находитъ часто къ чему придратъся... Начинаетъ кричать... мама отвѣчаетъ... ну и пошло...

Люсьенъ. Вотъ погоди... узнаетъ мама, что ты всему свѣту рассказываешь, что папа ее бьетъ...

Клэръ. Да будетъ тебѣ ворчать... Мы вовсе не весь свѣтъ, а Мадлѣнины подружки...

Нина (къ куклѣ). Посмотри, Розочка, на этого злючку, который обижаетъ бѣдныхъ дѣвочекъ...

Мадлена. Перестаньте... Люсьенъ вовсе не такой злой, какъ вы думаете. Попробуй только кто меня тронуть, стоитъ мнѣ кликнуть его; онъ всегда за меня заступится... Правду я говорю? (Люсьенъ молчитъ). Развѣ неправда?

Нина. Онъ нѣмой, какъ Розочка... Слышишь, Розочка, у него мыши языкъ съѣли...

Мадлена. Мы уже привыкли: поссоримся—помиримся: И все-таки любимъ другъ друга.

Клэръ. Вѣрю, но поэтому-то вамъ и слѣдуетъ бросить драться. Любить и бить другъ друга!.. Развѣ это несмѣшно...

Мадлена. Я никогда не начинаю первая... И мама то же.

Клэръ. Но тогда изъ-за чего же эти ссоры, которыя кончаются кулаками?

Мадлена (задумчиво). Съ братомъ... право не знаю... у папы съ мамой... тоже... изъ-за пустяковъ... Да вотъ сегодня, напримѣръ... Папа пришелъ, а столъ еще не былъ накрытъ: мама запоздала, а я бѣгала въ лавочку...

Клэръ (тихонько Люсьену, который дразнить ее, подергивая платьѣ, которое она чинить). Ну, а ты? Ты гдѣ былъ?

Люсьенъ. У окна сидѣлъ... Въ окно смотрѣлъ...

Клэръ. И ты не могъ накрыть на столъ? Поставить тарелки?

Люсьенъ. Накрыть на столъ? Я? Выдумала!.. Я — мужчина...

Мадлена. Это-то онъ правду говорить... Накрывать на столъ — не мужское дѣло...

Нина. Розочка, моя милая Розочка, не выходи ни за что замужъ, не спросивши сначала у жениха, согласенъ ли онъ накрывать на столъ... Скажи, Розочка, этому дѣтяю, что если онъ вздумаетъ на тебѣ жениться...

Люсьенъ (Мадленѣ). Вели ей замолчать. Она мнѣ надоѣла. Иначе я самъ заставлю ее прикусить ея сорочій язычекъ...

Нина (вскакивая и прыгая кругомъ). А ну, ну, Розочка, покажи своему невѣжѣ-жениху — длинный, длинный, сорочій языкъ.

Клэръ (Люсьену). Какъ тебѣ не стыдно! Грозить маленькой... Неужели ты будешь ее бить?

Люсьенъ. А чего она пристаётъ!.. Пусть оставитъ меня въ покоѣ... (онъ опять берется за городки... Нина возвращается на лавку).

Клэръ (Мадленѣ). Думаю я, думаю надъ отвѣтомъ твоего брата и ничего не понимаю... А ты? Ты находишь, что все это такъ-же и должно быть? Твой отецъ переворачиваетъ весь домъ вверхъ дномъ изъ-за того, что обѣдъ запоздалъ на минуту; а твой братъ ошетиливается, какъ ежъ, когда ему говорятъ, чтобъ онъ поставилъ тарелки на столъ... А между тѣмъ мать твоя работаетъ на сторонѣ такъ-же, какъ и твой отецъ... Почему же вся домашняя работа приходится на долю одного? Опять-таки ты ходишь въ школу такъ-же, какъ и твой братъ. Однако ты должна въ свободные часы помогать матери въ ея хлопотахъ по хозяйству и вмѣсто

того, чтобы отдыхать или играть, тебѣ приходится чинить бѣлье и платье. Почему же ты обязана работать, а онъ будетъ бездѣлничать, развлекаться, да еще разыгрывать изъ себя роль твоего надзирателя...

Нина. (быстро, указывая на Люсьена, забывшаго на минуту о своей прорѣхѣ)... да, вонъ еще рвать дыры на своихъ штанахъ... глядите... глядите...

Мадлена. Боже ты мой!.. Какъ же это тебя утразило, неряха ты эдакій...

Люсьенъ (заглядывая назадъ, прилаживая вырванный лоскутъ на свое мѣсто и стараясь не обнаружить смущенія). Ну, ладно... Невелика была... Зашьешь!..

Клэръ. Конечно!.. Мы вѣдь только для того и на свѣтъ живемъ, чтобъ прислуживать этимъ господамъ... По ихъ милости не приходится сидѣть безъ развлеченій (показывая конченную рубашку). Только одно кончивъ, принимайся за другое...

Мадлена (осмотрѣвъ дыру). Ну, становись скорѣй на лавку... Зачиню...

Люсьенъ (конфузаясь нерѣшительно). Да, вѣдь ты долго будешь... (становится на лавку).

Клэръ (Люсьену, который стоитъ на лавкѣ, повернувшись своей прорѣхой къ публикѣ). Ну, скажи пожалуйста, почему ты вѣчно такой грязный и растерзанный; посмотри на сестру: всегда донна чистенькая, даромъ, что и за тобой ухаживаетъ и матери помогаетъ.

Нина (торжественно). „Это доказываетъ еще разъ, что женщина выше мужчины...“ Такъ говоритъ моя мама... (обращаясь къ Люсьену). И чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ важничаете, что вы мужчины; только безобразничать мастера. А мы, женщины, такъ глупы, что ходимъ передъ вами на заднихъ лапкахъ. Ни за что не стала бы чинить дырявыхъ

штановъ. Клэръ, а Клэръ, нравятся тебѣ дырявые мальчишки?...

Люсьенъ (обозленный). Клэръ, хочешь я заставлю замолчать эту длиннохвостую сороку?..

Нина (спасается бѣгствомъ).

Клэръ. Спасибо, Люсьенъ, но я не нуждаюсь въ заступникахъ, когда меня обижаютъ. Я привыкла сама улаживать свои дѣла.

Нина (пляшетъ кругомъ, показывая Люсьену носы). Мужчина дырявый... Мужчина дырявый.

Люсьенъ (въ бѣшенствѣ хочетъ броситься за ней съ крикомъ: „ну постой же“, но при движеніи накаляется на иголку Мадлэны). Ай, ай! (Мадлэнѣ). Да смотри же ты! Вѣдь, ты же меня колешь!..

Мадлэна (смѣется вмѣстѣ съ Клэръ). А ты стой спокойно... А будешь вертѣться, такъ еще иголлка въ тѣлѣ сломается...

Люсьенъ (чешетъ себѣ задъ).

Мадлэна съ Клэркъ (хохочутъ).

Люсьенъ (уязвленный). Смѣйтесь... смѣйтесь... Пришилили меня и рады... издѣваются...

Клэръ. Подѣломъ тебѣ. Дѣлалъ бы такъ, какъ я, не пришлось бы тебѣ стоять въ такой дурацкой позѣ и трусить, что вотъ-вотъ тебѣ иголкой въ задъ уколютъ.

Мадлэна. Какъ же это дѣлать, какъ ты? Я не понимаю.

Люсьенъ. Я тоже не понимаю... Ну-ка, Расскажи, а мы послушаемъ...

Мадлэна. Ого! какой онъ сталъ тихій да сговорчивый! Ты счастливѣй меня, Клэръ... Ну, такъ какъ же нужно дѣлать по-твоему?

Клэръ. Очень просто, и это касается также тебя, какъ

и твоего брата. У меня такое правило, которому я научилась у родителей: Помогая всегда другому, старайся въ жизни зависѣть только отъ себя. Человѣкъ мужчина ли, женщина—все равно, долженъ по возможности все умѣть дѣлать самъ. Развѣ такъ трудно накрыть на столъ, заштопать чулки, вымыть посуду?

Люсьенъ (брезгливо). Мыть посуду! Гадость какая...

Клэръ. Но, другъ мой, нѣтъ работъ позорныхъ и унижительныхъ. Есть разныя работы, но всѣ онѣ равны и если нужны людямъ, то всѣ должны ихъ и исполнять, потому что люди тоже всѣ равны. Обыкновенно мужчина работаетъ на фабрикѣ или служитъ, а женщина хозяйничаетъ дома, но въ хозяйствѣ, гдѣ оба заняты на сторонѣ и должны отлучаться изъ дому, почему работы по хозяйству не дѣлать между собою, а взваливать ее всю на одного? Развѣ это справедливо? И почему помогать другъ другу стыдно, а ругаться и драться не стыдно?

Мадлена. Правда твоя, Клэръ...

Люсьенъ. Что вѣрно, то вѣрно...

Клэръ. Но даже тамъ, гдѣ мужъ зарабатываетъ достаточно и женѣ можно заниматься однимъ хозяйствомъ, представьте себѣ, что жена заболѣваетъ... Каково будетъ изворачиваться мужу, который не умѣетъ ни дѣтей одѣть, ни обѣда сготовить, ни пуговицы пришить. Вѣдь онъ будетъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Люсьенъ. Теперь я понялъ, наконецъ, мнѣ нужно, стало быть, выучиться накрывать на столъ...

Клэръ. Не только накрывать на столъ, а всему, что можетъ тебѣ пригодиться въ случаѣ нужды. Какъ это хорошо все умѣть, не бояться никакихъ несчастій, знать, что ты никогда не пропадешь, всегда сумѣешь выпутаться. Кромѣ

того, какъ приятно умѣть помочь другимъ. Вездѣ ты нужный, полезный человѣкъ, тобой дорожатъ, тебя любятъ...

Мадлена. Ну, вотъ и зачинала... А, вѣдь, правда говорится: нѣтъ худа безъ добра... Не разорви Люсьень штановъ, не научила бы насъ Клэръ уму-разуму...

Люсьень. Спасибо тебѣ, Мадлена... и тебѣ, Клэръ... за науку...

Клэръ. Вотъ что Люсьень... Уговоръ дороже благодарности. Если хочешь доставить мнѣ удовольствіе, общай, прежде всего, что ты не будешь обижать сестру, а тѣмъ болѣе, бить...

Люсьень (который въ эту минуту пропускаетъ руку между рубашкой и штанами). Вотъ-тѣ здравствуй! Что жъ ты надблала? Рубашку къ штанамъ пришила!

Мадлена. Да что ты! Неужели? (нащупываетъ). Пустяки! Чуть-чуть прихватила. Ну, вотъ, и оторвалось... Это, должно быть, когда ты дернулся...

Клэръ. Это тебѣ еще урокъ, Люсьень... Самъ себѣ помогай, вмѣсто того, чтобы заставлятъ помогать другихъ...

Люсьень. Чтожъ... Можно попробовать твое правило... Съ этого дня, вмѣсто того, чтобы жить какъ кошка съ собакой...

Мадлена (подхватываетъ)... будемъ жить дружно, какъ настояще братъ съ сестрой... Можетъ быть мы дадимъ хорошій примѣръ и папъ съ мамой.

Клэръ. Да не „можетъ быть“, а навѣрное... (Люсьену). А слѣдующую дыру?

Люсьень. Зачину самъ.

Мадлена. Но тогда... И я не буду тебя звать себѣ на помощь изъ-за всякихъ пустяковъ...

Люсьень. Да ужъ придется тебѣ дѣлать такъ, какъ Клэръ: улаживать свои дѣлишки самой...

Клѣръ. И вы увидите какъ приятно быть самому себѣ хозяиномъ, свободнымъ, сильнымъ... чтобъ потомъ (глядя на Люсьена) когда придется жить вдвоемъ, быть не обузой другъ другу, а товарищами, друзьями...

Нина (которая все это время, баюкая куклу, прислушивалась къ разговору). Розетта, Розочка, проснись... всѣ мирятся, слышишь... будь паинькой, иди, мирись и ты... Протяни руку этому молодому человѣку... вотъ такъ... и спроси у него будетъ ли онъ теперь играть съ дѣвченками... Мадлена (прыгая и хлопая въ ладоши). Конечно, непременно... играть всѣмъ вмѣстѣ...

Клѣръ. Да! Да! И пѣть, и хороводы водить.

Люсьень. Чуръ и въ городки, и въ лапту...

Нина (танцую съ куклой). И въ куклы... и въ куклы...

Вѣѣ (вмѣстѣ). Да! Да!.. Во все, во все... вмѣстѣ... вмѣстѣ...

ЗАНОВѢСЪ.

Эжень Пуатевень.

Наши ошибки.

Иногда мы даемъ неправильныя объясненія, или толкованія различнымъ явленіямъ природы. Напримѣръ, люди долгое время думали, что солнце, луна и звѣзды ходятъ вокругъ земли съ востока на западъ, а земля стоитъ посреди вселенной. Однако, знаменитый польскій астрономъ Николай Коперникъ подчеркнул и поправилъ эту ошибку и за это люди никогда не забудутъ его имени.

Это одна изъ крупныхъ ошибокъ. А вотъ еще. Когда въ грязной лужѣ мы замѣчаемъ всевозможныхъ червяковъ, головастиковъ, тину, бѣлые комочки слизи, плѣсень и пропасть всякой всячины, мы склонны, бываемъ думать, что все это завелось въ лужѣ само собою, просто-таки сотворилось изъ ничего. Но ученые не повѣрили своимъ глазамъ, да чужимъ рѣчамъ. Они стали докапываться до истины и узнали, что все это—и червячки, и головастики, и тина и плѣсень имѣетъ своихъ родителей: червячекъ родился изъ яйца мухи, голо-

вастикъ изъ яичка лягушки, плѣсень отъ зародыша плѣсени, тина отъ тины и т. д.

Но хотя и много уже поправлено подобныхъ ошибокъ, однако, люди не безъ грѣха и все продолжаютъ ошибаться. Даже въ книги закрадываются такія ошибки! Поэтому хорошій читатель не только читаетъ, но онъ еще провѣряетъ самъ или критикуетъ писателя: нѣтъ ли у него ошибокъ и промаховъ?

Вотъ, напримѣръ, въ моей статьѣ „Воздухъ“ есть одна такая ошибка. Я говорю, что если зажечь пущенный на блюдечко съ водой клочекъ бумажки и накрыть его стаканомъ, то бумажка скоро потухнетъ, а вода подыметъ приблизительно на $\frac{1}{5}$ высоты стакана. Все это такъ, и если вы сами сдѣлаете этотъ опытъ, то увидите, что все это вѣрно. Я говорю, что кислородъ, соединился съ веществомъ бумаги, а азотъ остался, и вода заняла мѣсто исчезнуваго кислорода. Однако, такъ ли это? Разберемъ хорошенько.

Горящая бумага выдѣляетъ изъ себя свѣтильный газъ, про который мы уже говорили въ прошломъ году, а свѣтильный газъ, какъ вы знаете, состоитъ изъ водорода и углерода. Когда эти вещества соединяются съ кислородомъ, т. е. горятъ, то одно изъ нихъ даетъ водяной паръ, а другое углекислый газъ. Водяной паръ, дѣйствительно, скоро охладится, превратится въ воду и займетъ меньше мѣста, такъ что вода можетъ войти въ стаканъ на мѣсто кислорода, но зато углеродъ дастъ углекислый газъ, который въ капельки не соберется, а займетъ собою въ стаканѣ мѣсто исчезнуваго кислорода, такъ что по здравому разсужденію вода не должна входить въ стаканъ.

Отчего же она входитъ? Это оттого, что когда мы накрывали стаканомъ горящую бумажку, то воздухъ въ стаканѣ расширился отъ теплоты и часть его вышла изъ стакана наружу. Но когда бумажка погасла, оставшійся въ стаканѣ воздухъ снова охладился, сжался и занялъ меньше мѣста; на освободившееся мѣсто вошла вода.

Точь-въ-точь такую же ошибку можно найти въ книжкѣ Мальчевскаго и Якобсена „Рядъ простѣйшихъ опытовъ“. Правда, тамъ сжигается не бумага, а спиртъ, но вѣдь спиртъ тоже состоитъ изъ водорода и углерода, какъ и бумага, пламя его также нагрѣваетъ воздухъ внутри стекляннаго колпака. Растворенная же въ водѣ известъ поглощаетъ далеко не всю углекислоту, получившуюся отъ горѣнія.

И въ другихъ книгахъ есть ошибки. Есть книга „Вешніе всходы“^{*)}, въ которой помѣшена статья о „дурномъ воздухѣ“, т. е. попросту объ углекислотѣ. Тамъ говорится, что углекислый газъ тягелѣе воздуха и потому собирается на днѣ ямъ, колодцевъ, пещеръ—все это вѣрно. Затѣмъ говорится, что „отъ углекислоты угараютъ“, а отсюда прямой выводъ, что лучшее средство избѣжать угара—это ложиться спать повыше: на печку, на полати, т.-е. какъ разъ туда, гдѣ легче всего угарѣть. Ошибка въ томъ, что угараютъ не отъ углекислоты, а совершенно отъ другого газа, называемаго окисью углерода, который легче воздуха и подымается вверхъ, къ потолку. Поэтому на печи угарѣть легче, чѣмъ на полу.

Есть книга „Міръ въ разсказахъ для дѣтей“^{**)}, гдѣ говорится, что всякое тѣло отъ теплоты расширяется. Это вѣрно. Но авторъ, чтобы пояснить это примѣромъ, говоритъ, что наша нога послѣ бани расширяется отъ теплоты и потому труднѣе входитъ въ сапогъ. Ошибка въ томъ, что здоровое человѣческое тѣло никогда не нагревается выше 30° по Реомюрову термометру. Повышеніе температуры тѣла хотя бы на 1° свидѣтельствуетъ о болѣзни человѣка. Однако, чтобы тѣло сколько-нибудь замѣтно расширилось отъ нагреванія, его надо нагрѣть градусовъ на 50, а то и выше, т.-е. положить человѣка въ кипятокъ и прогрѣть его насквозь. Да и при этомъ условіи, мясо не расширится, а еще болѣе сожмется.

Бываютъ такія ошибки, которыя встрѣчаются чуть-ли не во всѣхъ книгахъ, вродѣ того, что кузнецъ надѣваетъ раскаленную шину на колесо телеги, и когда шина остынетъ, то плотно охватитъ колесо. Но позвольте! Прежде чѣмъ охладиться и сдвинуть колесо, она сожжетъ его ободъ, обуглитъ его, и потому ни одинъ кузнецъ не обтягиваетъ колесъ раскаленными шинами, а всегда холодными. Раскаленные же шины накладываютъ иногда только на мельничные жернова, когда тѣ даютъ трещины.

Все это я говорю къ тому, что нельзя всецѣло довѣрять книгѣ. Надо вдумчиво, критически относиться къ читаемому и самолично провѣрять то, въ чемъ вы сомнѣваетесь. Только такое чтеніе плодотворно и развиваетъ умъ.

И. Воскобойниковъ.

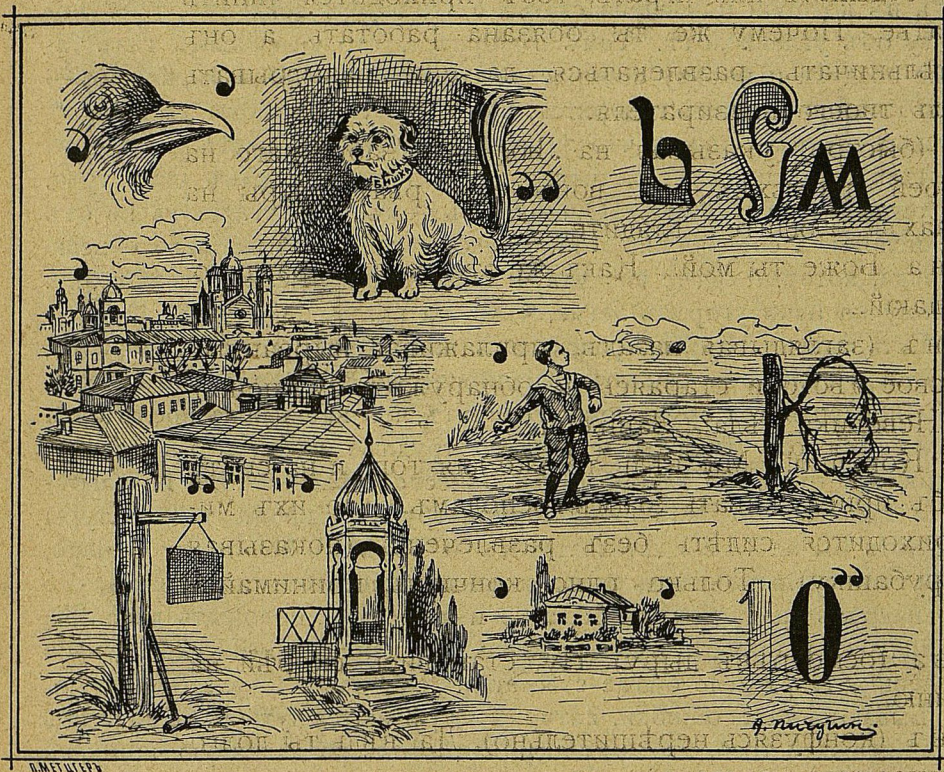
*) Д. И. Тихомирова.

**) В. П. Вахтерова.

82 Ну-ка разгадайте:

Ребусъ.

Шарада.

Себя *началомъ* называютъ, А *все* получите изъ сада.
Срединой груди поднимаютъ,
 Въ *концѣ* предлогъ поставить
 надо;

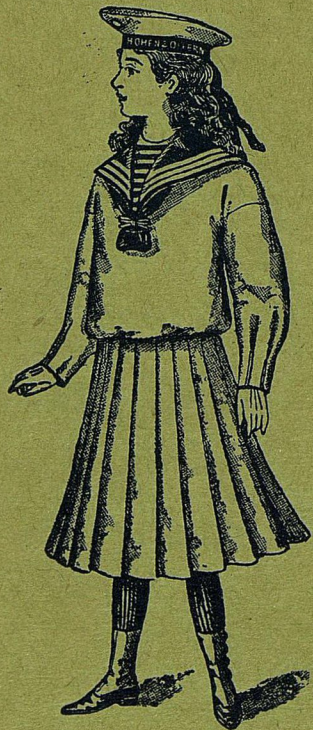
Н. А. Т.

Головоломка.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Данныя десять спичекъ соединить въ пары, перекладывая ихъ черезъ *два* на *третью*.

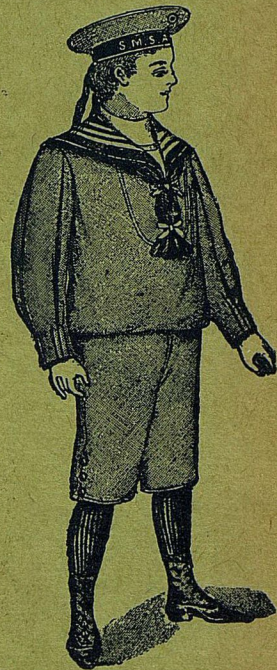

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МА

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-куранты бесплатно.

Открыта подписка на 1908 г.

(2 годъ изданія)

на популярно - образовательный и литературно - художественный иллюстрированный

журналъ для дѣтей 9—12-лѣтняго возраста.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти и рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ УЧАСТІИ:

Е. Бѣмъ, Н. Бронскаго, Г. Володина, И. Воскобойникова, Н. Гиляровской, Проф. С. Глазенапа, А. Гречанинова, П. Джунковскаго, Н. Клинскаго, В. Комарева, Проф. Н. Кочетова, А. Куприна, Ц. Кюи, Л. Пастернакъ, Петрова-Леонидова, Л. Чарской, Е. Чирикова, Н. Шестакова, Т. Щепкиной-Куперникъ, Н. Якубовскаго и др.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложений.

Подписная цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи, Москва, Малая Лубянка, 18, Телеф. № 15-93, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель Н. И. Фиделли.